

О ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИЯ ПРЕЗУМПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Анализируя новую формулировку нормы о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений, расширившую, на первый взгляд, пределы действия данной презумпции, автор подвергает сомнению как общий характер указанной презумпции, в целом, так и допустимость распространения ее на случаи виндикации, в частности. Ключевое препятствие для квалификации рассматриваемой презумпции как, действительно, «общего правила», применимого ко всем гражданским правоотношениям, усматривается в текстуальном помещении (оставлении) соответствующей правовой нормы в ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав».

Ключевые слова: ст. 10 ГК РФ; постановление Пленума ВС РФ от 23 июля 2015 г. № 25; правовые презумпции; презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений.

Yu.V. Vinichenko

ABOUT THE LIMITS OF APPLICATION OF THE PRESUMPTION OF GOOD CONSCIENCE OF PARTICIPANTS OF CIVIL LEGAL RELATIONS

Author analyzed the new formulation of the rule on the presumption of good conscience of participants of civil relations, which at first glance expanded the scope of application of this presumption and expressed doubt about the general nature of this presumption, in general, and the permissibility of its extension to cases of vindication, in particular. A key obstacle to the qualification of the presumption under consideration as a indeed a «general rule» applicable to all civil legal relationships, he believes textual securing appropriate legal norms in art. 10 Civil Code RF «Limits of the exercise of civil rights».

Key words: art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation; decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 23, 2015 No. 25; legal presumptions; presumption of good conscience of participants of civil legal relations.

Презумпция¹ добросовестности участников гражданских правоотношений является легальной и ныне (с 1 марта 2013 г.²) зафиксирована в п. 5 ст. 10 ГК РФ следующим образом: «Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются».

Новая редакция нормы, закрепляющей анализируемую презумпцию, сразу же нашла отражение в юридической литературе³ и была оценена как долгожданная новелла, вследствие которой в ст. 10 ГК РФ «**введена презумпция добросовестности** (выделено нами. – Ю. В., курсив автора)» [2, с. 15; см. также: 5, с. 175; 16, с. 86], причем «*общая*»⁴ (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) презумпция добросовестности действий участников гражданского оборота, которая, к сожалению, отсутствовала в прежнем гражданском законодательстве» [4, с. 15].

Несмотря на некоторые неточности в вышеприведенных суждениях⁵, можно согласиться с тем, что *новая формулировка правила о презумпции добросовестности*, действительно, дает основания для вывода о расширении сферы действия последней. Так, в прежней редакции ст. 10 ГК РФ (в п. 3) устанавливалось: «*В случаях, когда закон*

¹ В дальнейшем изложении мы будем исходить из понимания правовой презумпции как закрепленного в правовой норме вероятностного опровержимого предположения о существовании юридического факта, основанного на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым [см.: 17, с. 34, 43].

² Дата вступления в действие ФЗ РФ от 30.12.2012 № 302-ФЗ, внесшего изменения в числе прочих в ст. 10 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

³ Впрочем, можно привести массу примеров, когда, освещая вопрос о презумпции добросовестности, отечественные правоведы приводят старую редакцию ст. 10 РФ [см., например: 18, § 3 гл. 2] либо до сих пор ссылаются на п. 3 (а не п. 5) ст. 10 РФ [см., например: 16, с. 94; 23], либо, верно указывая актуальный номер пункта ст. 10 ГК РФ, текстуально воспроизводят ранее действовавшую редакцию соответствующей нормы [см., например: 6, п. 6 комментария к ст. 10 ГК РФ].

⁴ В юридической литературе можно встретить и такое понятие, как «*полная презумпция добросовестности*» (противопоставляемое «*частичной презумпции добросовестности*», действовавшей до внесения изменений в ст. 10 ГК РФ) [11].

⁵ В частности, вызывает возражения утверждение, что презумпция добросовестности была именно *введена* (т. е. появилась впервые) в ст. 10 ГК РФ с принятием 302-ФЗ, поскольку хотя и в иной формулировке она закреплялась в данной статье кодекса и ранее. Кроме этого, не точным является обозначение рассматриваемой презумпции: и в ранее действовавшей, и в новой редакции ст. 10 ГК РФ буквально говорится о презумпции добросовестности (1) *участников* (2) *гражданских правоотношений*, а не о презумпции добросовестности их *действий* (термин «действие» относится к презумпции разумности) либо презумпции добросовестности участников *гражданского оборота* (полагаем, что понятие «участник гражданского оборота» по сравнению с понятием «участник гражданских правоотношений» является более широким, поскольку включает в свой объем участников *всех отношений, образующих гражданский оборот*, т. е. урегулированных нормами не только гражданского, но и иных отраслей права).

ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются». Исходя из этого, учеными делался обоснованный, на наш взгляд, вывод об отсутствии на тот момент в ГК РФ общей презумпции добросовестности, об ограничении сферы действия презумпции добросовестности исключительно теми случаями, когда закон ставит защиту гражданских прав участника гражданских правоотношений в зависимость от его добросовестности [см., например: 10, с. 21]¹. Теперь такие ограничения из текста закона исключены, вследствие чего, *на первый взгляд*, презумпция добросовестности обрела отмеченный «общий» характер, что подтверждает и разъяснение Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), содержащееся в постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»². В частности, в абз. 3 п. 1 названного постановления ВС РФ указал, что «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации», и далее, *назвав норму п. 5 ст. 10 ГК РФ «общим правилом»*, отметил, что по этому общему правилу «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное».

Между тем констатация столь широкой сферы действия данной презумпции (а признание общего характера презумпции добросовестности означает, что она подлежит применению ко всем гражданским правоотношениям) вызывает некоторые сомнения и возражения.

А именно следует обратить внимание на то место, которое отведено правилу, устанавливающему предположение добросовестности участников гражданских правоотношений, в общей системе гражданско-правовых норм: будучи закрепленной в ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав», данная презумпция, как представляется, должна распространяться *только* на случаи *осуществления*

¹ Заметим, что по мнению отдельных авторов законодательная формулировка и (новой) нормы п. 5 ст. 10 ГК РФ «по сути, содержит правило о том, что добросовестность имеет юридическое значение только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законом» [21; 22].

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

субъективных гражданских прав (и, по аналогии, исполнения юридических обязанностей) и не касаться иных стадий динамики субъективных прав и обязанностей – их возникновения (установления) и прекращения, а также реализации охраняемых законом интересов. Желая распространить действие презумпции добросовестности на случаи установления и прекращения прав и обязанностей, реализацию и защиту охраняемых законом интересов, законодателю, полагаем, следовало закрепить ее не в ст. 10, а (как вариант) в ст. 1 ГК РФ, непосредственно после норм п. 3 и п. 4 данной статьи, устанавливающих принцип добросовестности, содержательно сводящийся к обязанности субъектов действовать добросовестно (честно, добросовестно)¹.

Главным образом по отмеченной – юридико-технической – причине безосновательным представляется распространение презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и на случаи виндикации.

Как известно, значение правовых презумпций состоит в том числе в распределении бремени доказывания, в освобождении лица, в

¹ В данной связи отметим также имеющуюся неясность в вопросе о содержании презумпции добросовестности, в частности, о том, в каком – объективном либо субъективном – смысле следует понимать добросовестность в рамках соответствующей презумпции. Поясним, что в юридической литературе добросовестность в объективном смысле (объективная добросовестность) трактуется как «внешнее мерило», масштаб, стандарт оценивания поведения субъектов; добросовестность в субъективном смысле (субъективная добросовестность) – как осведомленность (знание или незнание) конкретного лица о каких-либо фактических обстоятельствах, как извинительное незнание о фактах или правах других лиц [см.: 14, с. 56; 8, с. 13; 1, § 2 Ч. I; 9, с. 3; 12, с. 7; 19, с. 21–24; 7; 16, с. 111–112 (автор раздела – Т. П. Подшивалов)]. И если не вызывает сомнений, что в ст. 1 ГК РФ закрепляется объективная добросовестность, то относительно нормы п. 5 ст. 10 ГК РФ такая однозначность отсутствует. Так, Е. В. Богданов, полагая, что правило ст. 10 ГК РФ о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений распространяется и на те ситуации, когда в норме права поведение участника характеризуется как недобросовестное, отмечает, что «понятие недобросовестности является составным, включающим в себя оценку поведения участника правоотношения как с объективной, так и с субъективной стороны» [3]. Иной является позиция Е. А. Суханова, который, указывая на действие презумпции добросовестности в контексте анализа ст. 302 ГК РФ, обращает внимание на то, что «в рассматриваемой ситуации речь идет о так называемой **субъективной добросовестности**, т. е. не о добросовестности как этической, нравственной категории, служащей для оценки поведения участников гражданских правоотношений (как она понимается в п. 3 ст. 1 ГК РФ), а о добросовестности в смысле **фактического незнания** об обстоятельствах, препятствующих законному отчуждению вещи» [20, § 2 гл. 8 разд. IV]. На наш взгляд, в равной мере допустимо интерпретировать презумпцию добросовестности и как предположение извинительного незнания определенным лицом каких-либо фактов и обстоятельств (т. е. как предположение субъективной добросовестности), и как предположение о том, что участники гражданских правоотношений соблюдают принцип добросовестности, т. е. действуют добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, и исполнении гражданских обязанностей (т. е. как предположение объективной добросовестности).

пользу которого презумпция установлена, от необходимости доказывать презюмируемое обстоятельство. Распространение презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений на случаи истребования собственником своего имущества из чужого незаконного владения, таким образом, должно означать предположение добросовестности возмездного приобретателя (незаконного владельца) вещи и, соответственно, возложение бремени опровержения данного обстоятельства на собственника (изначально находящегося в положении «пострадавшей» стороны как лишившейся владения собственной вещью помимо своей воли).

Кроме того, что такой подход не является бесспорным с точки зрения общеправового принципа справедливости, он уязвим, прежде всего, с формально-юридических позиций. Так, анализируя еще ранее действовавшую редакцию нормы о презумпции добросовестности (закрепленной в п. 3 ст. 10 ГК РФ и устанавливающей, напомним, что добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается «в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно»), А. А. Новоселова усомнилась в правильности применения к незаконному владельцу презумпции добросовестности, совершенно верно акцентировав внимание на том, что, исходя из буквального смысла п. 3 ст. 10 ГК РФ, «следует, что презумпция доброй совести существует лишь постольку, поскольку *защитается право* (курсив наш. – Ю. В.)», в то время как ответчик в рамках виндикационного иска защищает свой *интерес*, а не субъективное право [15, с. 106 (автор раздела – А. А. Новоселова)]. Позволим себе утверждать, что несмотря на текстуальное изменение редакции правила, закрепляющего в ГК РФ презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений (исключение «привязки», в качестве условия, применения последней к прямо предусмотренным законом случаям защиты гражданских прав), изложенные выше сомнения и выводы сохраняют свою принципиальную актуальность и на настоящий момент, поскольку, как и прежде, противостоящий собственнику возмездный приобретатель вещи в любом случае является незаконным *владельцем* и, следовательно, лицом, по действующему гражданскому законодательству никаких субъективных гражданских *прав* в данном правоотношении, на наш взгляд, не имеющим, исходя из чего все так же отсутствуют основания применения к нему как в общем правил ст. 10 ГК РФ, устанавливающих пределы *осуществления*, очевидно, *имеющихся*

у лица гражданских *прав*, так и (частной) нормы, помещенной законодателем в данную статью – правила п. 5, закрепляющего предположение добросовестности участников гражданских правоотношений.

То, что презумпция добросовестности, зафиксированная в ст. 10 ГК РФ, не распространяется на добросовестного приобретателя и владельца, упоминаемых ст. ст. 302–303 ГК РФ, не раз отмечалось и иными отечественными правоведами¹; оправданным считают такой вывод также авторитетные представители цивилистической науки «ближнего зарубежья» [см., например: 19, с. 23–24]. В пользу этого ранее свидетельствовала в том числе позиция высших судебных инстанций РФ, а именно положение абз. 1 п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»², в котором указывалось, что «приобретатель признается добросовестным, *если докажет* (курсив наш. – Ю. В.), что при совершении сделки он не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества продавцом, в частности принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества».

Однако с принятием постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 (см. п. 133) абз. 1 п. 38 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 был признан не подлежащим применению. Тем самым Верховный Суд РФ подтвердил распространение презумпции добросовестности и на виндикационные отношения. В данной связи безусловно убедительны будут возражения, что в каждом отдельном случае суд может «перераспределить» бремя доказывания. Современная судебная практика знает немало таких примеров³; впрочем, нетрудно заметить, что касаются они споров с уча-

¹ По причине имеющегося регламента относительно объема настоящей работы позволим себе ограничиться отсылкой к работе Д. В. Мурзина, содержащей достаточно развернутый обзор доктринальной полемики по данному вопросу [13].

² Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 6.

³ Наиболее «громкие» либо «показательные» из них неоднократно приводились и в юридической литературе. Например, дело «Кировского завода», в рамках рассмотрения которого Президиум ВАС РФ расценил нераскрытие генеральным директором акционерам информации об условиях взаимосвязанных сделок как сокрытие информации, указав, что данные обстоятельства «не позволяют применить к ответчику презумпцию добросовестности и переносят на него бремя доказывания» (постановление Президиума ВАС РФ от 6 марта 2012 г. № 12505/11 по делу № А56-1486/2010 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 6) (в обоснование тезиса

ствием юридических лиц. Что до защиты собственников-граждан, представляется, рассматривающие такие дела суды общей юрисдикции, скорее всего (в числе прочего, в силу их колоссальной загруженности), пойдут «по линии наименьшего сопротивления», последовав по тому магистральному направлению, которое им предопределил своим постановлением Пленум № 25 Верховный Суд РФ.

Итак, критически проанализировав норму ГК РФ, закрепляющую презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, мы склоняемся к выводу о том, что внесенные в нее в декабре 2012 г. и вступившие в действие 1 марта 2013 г. законодательные изменения *лишь создают видимость расширения пределов действия данной презумпции*. Сохранение (оставление) правила о презумпции добросовестности в рамках ст. 10 ГК РФ, устанавливающей пределы осуществления гражданских прав, дает основания усомниться как в общем характере этой презумпции в гражданском праве, в целом, так и в обоснованности распространения ее на случаи виндикации, в частности. Впрочем, позиция ВС РФ по данному вопросу, как можно заключить, является иной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики / В. А. Белов. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 96 с.
2. Белов В. А. Что изменилось в гражданском кодексе? : практ. пособие / В. А. Белов. – 2-е изд., доп. – М. : Юрайт, 2016. – 227 с.
3. Богданов Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве / Е. Богданов // Российская юстиция. – 1999. – № 9. – С. 12–14.

об особенностях возложения бремени доказывания в корпоративной сфере данное дело в качестве иллюстрации приводит, в частности, И. С. Шиткина [24]). Другой пример – постановление Президиума ВАС РФ от 26 марта 2013 г. № 14828/12 по делу № А40-82045/11-64-444 (документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»), в котором сформулирована правовая позиция относительно ситуаций, емко обобщенных Е. А. Сухановым, а именно таких, как «учреждение самостоятельных юридических лиц (в том числе офшорных компаний) исключительно с целью создания видимости добросовестного приобретения ими имущества, например недвижимости. В этих случаях бремя доказывания своей добросовестности (т. е. знания или незнания об отсутствии у отчуждателя вещи необходимых правомочий) возлагается на такое юридическое лицо – приобретателя, в том числе путем обязания его раскрыть информацию о своем конечном выгодоприобретателе (который может быть аффилированным или даже совпадать с неуправомоченным отчуждателем), поскольку такая ситуация может свидетельствовать о злоупотреблении правом, влекущим отказ в его защите» [20, § 2 гл. 8 разд. IV; см. также: 16, с. 116–117 (автор раздела – Т. П. Подшивалов)].

4. Гаврилов Э. П. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ и интеллектуальные права / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2013. – № 4. – С. 14–23.

5. Голубцов В. Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики / В. Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2016. – № 2. – С. 175–184.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов и др. ; под ред. Л. В. Санниковой. – М. : Статут, 2015. – 662 с.

7. Демкина А. В. Добросовестность лица и достоверность данных реестра юридических лиц [Электронный ресурс] / А. В. Демкина // Гражданское право. – 2017. – № 4. – С. 9–12 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8. Дроздова Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Т. Ю. Дроздова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. – 152 с.

9. Жгулев А. А. Добросовестность при исполнении обязательства / А. А. Жгулев. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 112 с.

10. Жукова Ю. Д. Применение презумпции добросовестности при установлении оснований ответственности руководителя хозяйственного общества / Ю. Д. Жукова // Безопасность бизнеса. – 2012. – № 3. – С. 20–22.

11. Липовцева Д. А. Злоупотребление правом, или «Последствия» первого блока поправок в ГК [Электронный ресурс] / Д. А. Липовцева // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 11. – С. 144–149 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Мазур О. В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Мазур. – СПб., 2012. – 23 с.

13. Мурзин Д. В. К вопросу о презумпции недобросовестности ответчика по виндикационному иску [Электронный ресурс] / Д. В. Мурзин // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 4. – С. 50–62. – Режим доступа: <http://geum.ru/lav/index-17734.php>.

14. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 56–90.

15. Новоселова А. А. Вещные иски: проблемы теории и практики : монография / А. А. Новоселова, Т. П. Подшивалов. – М. : Инфра-М, 2014. – 279 с.
16. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. – М. : Проспект, 2017. – 352 с.
17. Пронина М. П. Презумпции в современном российском праве : монография / М. П. Пронина ; под ред. А. П. Кузнецова. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 152 с.
18. Саурин А. А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения [Электронный ресурс] / А. А. Саурин. – М. : Статут, 2014. – 351 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
19. Сулейменов М. К. Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики / М. К. Сулейменов // Добросовестность в гражданском праве : материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. цивилист. чтений, посвящ. 20-летию Гражд. кодекса Респ. Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.) / отв. ред. М. К. Сулейменов. – Алматы, 2014. – С. 9–37.
20. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2017. – 560 с.
21. Ульянов А. В. Добросовестность в гражданском праве [Электронный ресурс] / А. В. Ульянов // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 133–140 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. Ульянов А. В. Категория юридического интереса в свете неоконцепции гражданского права (часть 1) [Электронный ресурс] / А. В. Ульянов // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5. – С. 51–57 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
23. Четвертакова Е. С. Судейское усмотрение при определении разумности и соразмерности судебных издержек в арбитражном процессе [Электронный ресурс] / Е. С. Четвертакова // Судья. – 2016. – № 8. – С. 48–53 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
24. Шиткина И. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения [Электронный ресурс] / И. Шиткина // Хозяйство и право. – 2013. – № 3. – С. 3–18 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Виниченко Юлия Вараздатовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса; Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: juvinichenko@mail.ru.

Information about the author

Vinichenko Yulia Varazdatovna – PhD in Law, Associate Professor, Head of Civil Law and Procedure Department; Baikal State University, Lenin street, 11, Irkutsk, 664003, e-mail: juvinichenko@mail.ru.